

«Бесцветный генсек»? Новая биография Л.И. Брежнева*

Alexander Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

«Colorless Secretary General»? New biography of L.I. Brezhnev

DOI: 10.31857/S086956870017640-5

Профессор Бременского университета С. Шаттенберг подготовила научную биографию Л.И. Брежнева, в котором она видит незаурядного представителя советской номенклатуры, не случайно поднявшегося до высших постов в государстве и наделённого как организаторскими способностями, так и некоторым даром артистизма, проявившимся ещё во время его выступлений актёром-любителем в 1920-е гг. По словам исследовательницы, «в том, что касается огромного значения Брежнева для Советского Союза, сегодня едины все. Как-никак, он правил страной и формировал её на протяжении 18 лет». Более того, современные историки считают его едва ли не «самым успешным представителем советского стиля управления» (с. 14—15).

В основу монографии легли материалы центральных и областных архивов России (РГАНИ, РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ, ЦАМО РФ, АВП РФ, Государственный архив Свердловской области, Центр документации общественных организаций Свердловской области и др.), Украины (Днепропетровский державний архів, Державний архів Запорізької області, Музей історії м. Кам'янського), Молдавии (Arhiva Nationala a Republicii Moldova, Arhiva Organizatiilor Social-Politice a Republicii Moldova) и Казахстана (Архив президента Республики Казахстан), а также документы, извлечён-

ные из германских и французских хранилищ (Archiv der deutschen sozialen Demokratie, Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Politisches Archive des Außenamts Berlin, Archives Nationales des la République Française). В целом, автору удалось изучить впечатляющий корпус источников. Неудивительно, что эта «книга претендует на то, чтобы быть первой научной биографией Брежнева, опирающейся на широкую документальную базу» (с. 12).

Шаттенберг пытается понять, закономерно ли было то, что «харизматик» Н.С. Хрущёв не сумел удержаться у власти и к концу своего правления утратил поддержку аппарата, а Брежнев оставался руководителем сверхдержавы вплоть до своего ухода из жизни? Разгадку историк надеется найти, анализируя «личностный конфликт между актёром-любителем и “рыцарем” холодной войны, между тягой к дружескому общению и не подлежавшим сомнению 18-летним господством, между склонностью к пикантным анекдотам и преследованием инакомыслящих, между мужественностью молодых лет и физическим распадом с 1975 г.» (с. 10). Шаттенберг стремится «постичь всю широту и противоречивость стилей поведения Брежнева в их сложности и раскрыть образ, ещё находящийся под воздействием опыта холодной войны» (с. 11). Автор прослеживает формиро-

* Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 623 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00353.

вание личности Брежнева в родительском доме, характеризует его окружение, материальное положение, религиозные влияния, досуг и т.д. Вероятно, впервые в историографии подробно, причём преимущественно на неопубликованных материалах, ею освещён начальный этап партийной карьеры будущего генерального секретаря на Украине, его деятельность на фронте, в Молдавии, в Казахстане и в Москве при Хрущёве.

Шаттенберг убеждена, что в начале своей жизни Леонид Ильич был «совершенно аполитичным молодым человеком», рано узнавшим, что значит «борьба за выживание в чистом виде» (с. 27). Его родители принадлежали к рабочей интеллигенции и тяготели скорее к буржуазности, чем к революции. Прежде всего им хотелось дать старшему сыну возможность учиться (с. 29—30). В 1920-е гг. Брежневу «было свойственно несколько прагматическое отношение к комсомолу и партии» (с. 47). Тогда он всерьёз увлекался поэзией, пробовал себя в театре (с. 43—45), но «выдающаяся политическая карьера какого бы то ни было свойства к этому времени никоим образом не просматривалась» (с. 48). Вместе с тем пройденный им жизненный путь, типичный для его поколения, вполне «соответствовал идеалу нового человека: рабочее происхождение, испытан и закалён в походе против крестьянства, инженер, получивший образование без отрыва от производства, парторг, который, помимо своих прямых обязанностей, руководил ещё и рабфаком» (с. 64—66).

Судьбоносным для Брежнева стало знакомство в 1938 г. с Хрущёвым. Как пишет Шаттенберг, «Хрущёв привлекал Брежнева к решению важных задач, и своей послевоенной карьерой Брежнев был обязан прежде всего Хрущёву» (с. 73). Репрессии 1937—1938 гг. лишь ускорили продвижение по слу-

жебной лестнице: «Брежнев извлёк выгоду из ситуации террора, при исключениях из партии других выступал с самообвинениями. Но не он руководил событиями, он сам находился под угрозой обвинения и ареста. Брежнев не выступал за форсирование репрессий и не был сторонником крайних мер, не продвигал “разоблачения” и аресты своих коллег, но точно так же не мог и уклониться от показательных “проработок” “врагов народа” и “вредителей”». По сути, он «избрал курс, который, насколько это было возможно, не вредил ни другим, ни себе» (с. 81).

Война стала, несомненно, самым сильным эмоциональным потрясением в его жизни. Не сыграв в ней сколько-нибудь выдающейся роли, Леонид Ильич, тем не менее, воевал от первого до последнего дня и по праву мог говорить о себе как об офицере-фронтовике. И в дальнейшем «воспоминания о войне не были только позой, но волновали Брежнева на самом деле. Даже если он и не участвовал непосредственно в боевых действиях, то, судя по всему, успел увидеть на войне достаточно ужасов, чтобы возвращаться к пережитому на протяжении всей жизни» (с. 91). Став генеральным секретарём, он по меньшей мере не препятствовал возвышению своей деятельности в военные годы, хотя она далеко не соответствовала «тем подвигам, которые приписывались ему» (с. 112). Однако именно приобретённый им в то время опыт оказал заметное воздействие на брежневскую политику «разрядки» в 1970-е гг. (с. 113).

Период «обучения при Сталине» стал для Леонида Ильича тяжёлым испытанием: он «работал почти круглые сутки, спал лишь несколько часов» (с. 122), доходил «до предела своих сил и требовал того же от всех других» (с. 131). В декабре 1947 г. Сталин

лично наградил первого секретаря запорожского обкома орденом Ленина (с. 135—136), а спустя несколько лет перевёл его на пост руководителя партийной организации Молдавской ССР. Расплатой за изнурительный труд оказался инфаркт, случившийся у Брежнева весной 1952 г. (с. 176—177). Однако в конце того же года на XIX съезде партии он стал одним из десяти секретарей ЦК (с. 181).

Весной 1953 г. казалось, что «Брежнев отслужил своё в качестве сталинского статиста и в качестве такового был удалён из центра власти “старожилами” Президиума» (с. 184—185). Однако, болезненно пережив своё падение, он остался среди подручных Хрущёва и даже участвовал по его просьбе в аресте Л.П. Берии (с. 185—186). В 1954 г. именно Брежнев, ставший заместителем П.К. Пономаренко и снова работавший до изнеможения, «в значительной степени организовал Хрущёву кампанию по освоению целины» (с. 192), после чего навсегда уже вернулся в Москву: на XX съезде его избрали кандидатом в члены Президиума ЦК, а на последовавшем Пленуме снова сделали секретарём ЦК (с. 224). Летом 1957 г. Брежнев поддержал борьбу с «антипартийной группой» и в знак благодарности был введён в состав Президиума ЦК. Курируя ВПК и космическую отрасль, возглавляя в 1960—1964 гг. Президиум Верховного совета СССР (с. 239—245), он везде выступал, по словам автора, как «эхо Хрущёва»: «Они вместе грелись в лучах славы космонавтов, вместе проводили десталинизацию и работали над модернизацией партии и государства» (с. 249). Однако это, как известно, не помешало Леониду Ильичу стать в 1964 г. одним из главных организаторов «заговора», или даже «путча», как называет подготовку к октябрьскому Пленуму Шаттенберг.

Одну из основных причин отстранения Хрущёва от власти исследовательница видит в посприятии им принципов коллективного руководства. Со своей стороны, «с первого дня Брежнев дал понять, что в отношении своих товарищей будет вести себя исключительно уважительно», завоевывая их лояльность «дружелюбием и любезностью» (с. 283—284). Ему «пришлось совмещать несовместимое — с одной стороны, расширять свою власть, создавая клиентулу, с другой — ни в коем случае не допускать впечатления о том, что он делает это против воли коллектива и тем губит карьеры. Напротив, ему приходилось изображать “доброго попечителя”, который заботится о кадрах и принимает решение только в их пользу» (с. 293). Сталинский лозунг «кадры решают всё» Брежнев превратил «не только в основной принцип своей деятельности, но и в единственный подход к решению проблем» (с. 386). Этому способствовала известная «фамильярность в Политбюро», выражавшаяся в совместных товарищеских ужинах, походах на футбол и хоккей, в поездках на охоту и т.п. (с. 303—306). Пользуясь такой атмосферой, внешне доброжелательный генеральный секретарь устранял конкурентов, переводя их на малозначительные должности или отправляя на пенсию: «В своих мемуарах, часто написанных с обвиняющей интонацией, проникнутых ожесточённостью, они рассказывают, как лицемерно подыгрывал им Брежнев, но одновременно отдают ему должное за то, как он это мастерски проделал» (с. 301—302).

В то же время, великолепно разбираясь в людях, Брежнев умел ценить и беречь членов своей команды, обеспечив им уверенность в своём положении и стабильность. Вместе с тем «Брежнев видел свою заслугу в том, что хотел дать советским людям луч-

шую, мирную жизнь, для чего приказал закупать в небывалых прежде масштабах за границей на валюту продовольствие, а также одежду и электротовары. Он был горд не “доктриной Брежнева”, а введением пятидневной рабочей недели, установлением пенсионного возраста для всех женщин в 55 и для всех мужчин в 60 лет, а также повышением заработной платы» (с. 589). Тем самым он «дал возможность значительной части населения более-менее спокойно жить», перенеся на «всё общество мелкобуржуазное желание обеспеченной жизни, о чём когда-то мечтала для него мать». И «с этой точки зрения генсек сделал Советский Союз более человечным, он поставил в центр политики индивида с его основными потребностями», искренне надеясь «улучшить жизнь советских граждан, сделать её достойной» (с. 585). По словам Шаттенберг, «определённый комфорт, включавший собственную крышу над головой, кое-какую мебель и предметы быта, при большом везении ещё машину и дачу — вот то, что Брежнев, несомненно, хотел осуществить для своих соотечественников. Лозунг “внимательного, заботливого отношения к человеку”, выдвинутый Брежневым и часто осмеивавшийся, а то и изображавшийся как циничный, он воспринимал явно всерьёз» (с. 353).

Большое внимание в книге уделено внешней политике. Руководя ею, Брежнев, как и Хрущёв, «стремился к личному контакту с политической элитой» и «верил в договорённости на межличностном уровне, между человеком и человеком, осуществление которых затрудняли, а то и могли сорвать бюрократические структуры, дипломаты и скептики» (с. 431). Как полагает Шаттенберг, «Брежнев преследовал две цели: установить дружеские отношения с лидерами Запада и таким образом достигнуть всеобщего мира»

(с. 433). Исследовательница уверена: «Ужасы войны оставили в душе генсека столь глубокие следы, что он хотел любой ценой не допустить новой войны. Наряду с первой великой целью советского лидера — обеспечить высокий уровень жизни для населения, — второй его великой целью было избавление народа от страха перед новой войной» (с. 460). Поэтому, в отличие от своего предшественника, он вернулся к «правилам западного протокола: хорошо одеваться, вести себя и говорить подобающим образом и быть надёжным партнёром по переговорам» (с. 432). В результате под его личное обаяние подпали такие разные деятели, как В. Брандт, Г. Киссинджер и Р. Никсон, воспринимавшие советского лидера прежде всего «как человека, а не как коммуниста» (с. 486). Когда же после смерти Ж. Помпиду и отставок Брандта и Никсона «большая четвёрка», проводившая политику разрядки, прекратила существование, Брежнев, не отчаиваясь, начал выстраивать отношения с их преемниками — Дж. Фордом, В. Жискард д'Эстеном, Г. Шмидтом (с. 505—508).

И всё же Хельсинки, «который Брежнев когда-то представлял себе кульминацией своей внешней политики, был для него концом его личной миссии доверия и позиционирования себя как политика западного типа» (с. 515). Во второй половине 1970-х гг. Брежнев слабел буквально на глазах. Зависимость от принимаемых снотворных препаратов сделала его фактически «наркоманом», «сердце, да и весь организм были ослаблены злоупотреблением таблетками», и смерть могла «наступить в любой момент» (с. 566, 579—580). Между тем «с 1975 г. советские люди наблюдали по телевидению дряхлость и маразм руководителя их партии и государства. В конце концов, однако, и это оказалось успехом: советский лидер как

личность мог быть болен, но политическая система не теряла в результате этого силу и стабильность» (с. 585—586). Однако «если во внутренней политике состояние здоровья Брежнева приводило к затишью, то во внешней политике оно вызвало стремительный откат назад в вопросах разрядки, миру вновь пришлось вспомнить о худших временах холодной войны» (с. 586). А вторжение в Афганистан стало «гребением советской внешней политики, не имеющим себе равных,

и “советским Вьетнамом”» (с. 526). Так или иначе, по мнению Шаттенберг, то, что «генсек создал до 1975 г. во внутренней и внешней политике, способствовало стабилизации, консолидации и превращению Советского Союза в относительно нормальную страну. По существу, только при нём возникло государство, которому позже предстояло погибнуть» (с. 590).